

Эдвард Пейдж Митчелл (1852—1927).

● У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

«ПОТЕРЯННЫЙ ГИГАНТ...»

Павел АМНУЭЛЬ.

Каждый год, собравшись на Всемирный конвент (Worldcon), любители фантастики присуждают премию «Хьюго» лучшим произведениям, опубликованным на английском языке. Эта самая почётная для пишущих в этом жанре награда названа в честь Хьюго Гернсбека, который считается отцом-основателем американской фантастической литературы. Но если бы не странная забывчивость современников, отцом-основателем американской (а точнее — всей англоязычной) научной фантастики следовало назвать не Гернсбека (чьи заслуги, конечно, неоспоримы), а Эдварда Пейджа Митчелла.

Как, по-вашему, кто написал первое научно-фантастическое произведение о невидимом человеке? «Конечно, Герберт Уэллс», — скажете вы. И о механизме, с помощью которого можно путешествовать во времени, первым писал тоже Уэллс? И анабиоз впервые в фантастике описал Уэллс в романе «Когда спящий проснётся»?

Нет, нет и нет. Обо всем этом и ещё о многом другом первым писал американский журналист и редактор Эдвард Митчелл. Фантаст, творчество которого заново открыли через 46 лет после его смерти. В России Митчелла-фантаста не знают и сейчас: ни одно из его тридцати научно-фантастических произведений до самого недавнего времени не было переведено на русский язык.

Родился Эдвард Пейдж Митчелл в 1852 году в небольшом городке Бат, в штате Мэн. Нельзя сказать, что жизнь его оказалась богата событиями. Пожалуй, самое серьёзное впечатление юности — уличные беспорядки в Нью-Йорке в 1863 году, свидетелем которых он оказался. Бунт рабочих, стрельба по безоружным людям, кровь на улицах...

Когда двадцатилетний Митчелл возвращался домой, в Бат, из Боудин-колледжа, где учился, окно в вагоне было раскрыто, и горячая зола из трубы паровоза попала юноше в левый глаз. Глаз перестал видеть. Несколько недель врачи пытались спасти зрение, но случилось худшее. Правый, здоровый, глаз подвергся так называемой симпатической офтальмии*, и Митчелл ослеп на оба глаза. Можно представить страдания молодого человека, мечтавшего посвятить жизнь журналистике! Врачи смогли вернуть зрение левому, поражённому золотой, глазу. А вот правый спасти не удалось.

Приходя в себя после многочисленных и безуспешных операций, Митчелл задумал и написал небольшую фантастическую повесть «Тахипомпа», которую опубликовали в апрельском (1874) номере журнала «Scribner's Monthly» (спустя век повесть стала самым известным произведением Митчелла).

Этот год вообще оказался для Митчелла счастливым. Он напечатал первую повесть, женился на Энни Сьюэлл Уэлч и начал карьеру журналиста — сначала в бостонской газете «Daily Advertiser», а затем, в том же году, — в популярной (долгое время — самой читаемой в Соединённых Штатах) нью-йоркской газете «The Sun», с которой оказалась связана вся дальнейшая карьера Митчелла.

Менее чем за двенадцать лет (с декабря 1874 по январь 1886 года) Митчелл опубликовал в газете «The Sun» двадцать девять небольших научно-фантастических рассказов. Вместе с «Тахипомпой» эти произведения и составили его «полное собрание сочинений». Немного. Однако новых научно-фантастических идей в этих коротких рассказах оказалось столько, что почти сто лет спустя известный американский историк фантастики Сэм Московиц назвал Митчелла «потерянным гигантом американской научной фантастики».

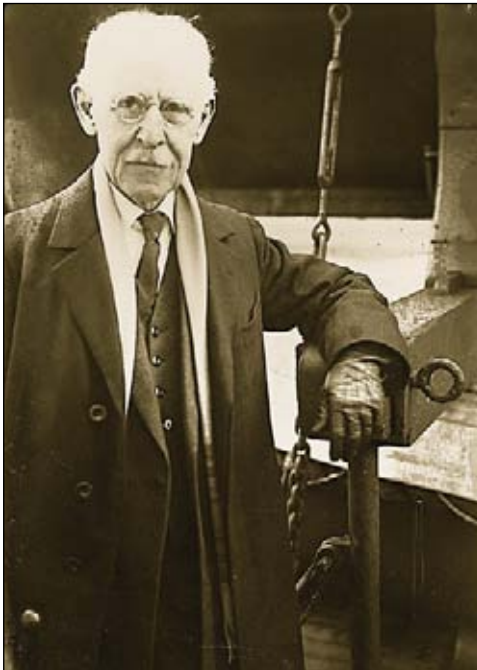
В газете не было, конечно, «странички фантастики». Рассказы Митчелла набирали тем же шрифтом, что обычные газетные материалы, и читатель волен был принимать публикации за реальные истории. Уже первый рассказ «Назад от Борна» (1874) автор выдал за описание реального события: умершего недавно жителя штата

* Вялотекущее негнойное воспаление, развивающееся в здоровом глазу при проникающем ранении другого глаза.

Нью-Йоркская газета «The Sun» выходила с 1833 по 1950 год. Митчелл был её главным редактором с 1897 по 1926 год. На снимке: первая полоса «The Sun» выпуска 1838 года.

Гаррет Патнэм Сервис (1851—1929), коллега Митчелла, редактор, популяризатор науки, автор первой «космической оперы» — «Завоевание Марса Эдисоном».

Мэн, вернувшегося в виде призрака и поведавшего журналисту свою печальную историю.

Но желая всё-таки дать понять вдумчивому читателю, что рассказы — фантастические, Митчелл часто следовал методу Эдгара По, творчество которого безмерно ценил, и награждал своих персонажей ироническими, явно придуманными именами. Таков, например, профессор Думкопф из рассказов «Спектроскоп души» и «Человек без тела», с которыми читатели могут познакомиться в этом номере.

Призраками и прочими сверхъестественными и паранормальными явлениями Митчелл интересовался всю жизнь. Многие из его журналистских, а вовсе не фантастических работ — по сути расследования предполагаемых явлений призраков, которым Митчелл всегда находил рациональное, естественное объяснение.

Первым фантастическим произведением писателя стала уже упомянутая «Тахипомпа», герой которой изобрёл машину (тахипомпу), позволявшую персонажам передвигаться со сверхсветовой скоростью. Впервые в фантастике!

Год спустя появился рассказ «Спектроскоп души». Его герой, профессор Думкопф, изобрёл прибор, с помощью которого можно понять, что творится в душе человека. И тому давалось рациональное материалистическое объяснение — на уровне науки того времени, естественно: «...Граница между духом и материей является такой же воображаемой, как экватор, который делит земной шар на Северное и Южное полушария... Дух фактически так же объективна, как и материя, а материя так же субъективна, как и дух. Вероятно, не существует материи без духа. Вероятно, не существует духа без материи...»

Во втором рассказе о профессоре Думкопфе «Человек без тела» (1877) автор придумал способ телепортации, который через семь десятилетий заново изобрели фантасты: советский писатель Георгий Гуревич писал об этом в статье «Всё, что из атомов», а Станислав Лем — в «Путешествии профессора Тарантоги». Вот как описывает свой способ Митчелл (точнее, его персонаж — профессор Думкопф): «...Поскольку атомы одних и тех же элементов одинаковы, их можно соединить в молекулы в том же порядке, а затем восстановить такие же молекулы, как и у оригинальной материи. Таким путём мы практически получим репродукцию оригинала».

Думкопф поставил опыт на себе, но получилось не так, как он задумал, и в пункте приёма удалось «воссоздать» лишь голову профессора...

Знакомо? Ну конечно: «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева (1925).

Помните, как впечатляюще описал Беляев мучения профессора, когда на него села муха? Критики писали, что фантасту удалось так реалистически передать ощущения Доуэля потому, что сам автор был в то время прикован к постели и не мог двигаться. Но мухи, оказывается, докучали в своё время и другой голове, голове профессора Думкопфа: «Я даже не могу отмахнуться от мух, которые, бог знает как, сумели забраться сюда летом».

Роман Герберта Уэллса «Человек-невидимка» появился в 1897 году, и долгое время любители и знатоки фантастики считали, что именно этот роман стал первооткрывателем темы. Однако почитаем рассказ Митчелла «Прозрачный человек» (1881 год — на 16 лет раньше Уэллса!). Вот как описывает герой рассказа способ превращения в невидимку:

«Поскольку цвет органических тканей, образующих плоть, зависит от присутствия определённых непосредственных компонентов, в состав которых обязательно в качестве элемента входит железо, следовательно, цветовой тон может варьироваться в соответствии с вполне определёнными химико-физиологическими изменениями...»

Шаг за шагом герой рассказа, профессор Фрейликер из Фрейбурга, превращает своего ассистента в человека-невидимку. Гриффин, герой романа Уэллса, придумал другой способ — изменить коэффициент преломления света в веществе, сделав его равным коэффициенту преломления света в воздухе. Литературные достоинства «Человека-невидимки» неоспоримы, но научно-фантастическая составляющая убедительнее у Митчелла. Интересно, читал ли Уэллс газету «The Sun»?

Может, и читал, потому что пути Митчелла и Уэллса пересеклись ещё раз, а это уже труднее объяснить совпадением хода мысли. В том же 1881 году, когда из печати вышел «Прозрачный человек», на страницах «The Sun» появился рассказ Митчелла «Часы, которые шли назад». Четырнадцать лет спустя Герберт Уэллс опубликовал «Машину времени», ставшую вехой в развитии фантастики. Но кто знает, что «изобрёл» машину времени не Уэллс, а Митчелл?

Уэллс писал о времени как о четвёртом измерении. А вот что писал Митчелл: «С точки зрения Абсолюта последовательность будущего за прошлым или прошлого за будущим произвольна. Вчера, сегодня, завтра; нет причин, по которым этот порядок не мог бы выглядеть как завтра, сегодня, вчера...»

«Если причина вызывает следствие, не может ли следствие влиять на причину? Неужели причинность, в отличие от всех остальных

Сэм Московиц (1920—1997), историк фантастики, собравший и опубликовавший в 1973 году полный сборник рассказов Митчелла.

законов Вселенной, работает лишь в одном направлении? Обязан ли потомок всем, что имеет, своим предкам, а предки ничего не должны потомкам? Может ли судьба, вцепившись в наше существование, ради своих целей переносить нас в далёкое будущее и никогда не возвращать в прошлое?»

«Машинной времени» у Митчелла становятся удивительные часы, сконструированные в XVI веке голландским часовым мастером Яном Липпердамом и способные управлять временем, возвращая человека в прошлое, когда стрелки часов начинают двигаться в обратном направлении.

Митчелл отправил своих героев в прошлое и ввёл в фантастику проблематику, которую Уэллс обошёл стороной. Много лет фантасты писали и пишут о том, как «попаданцы» из будущего производят в прошлом некие действия, изменяя историю. Первым о такой возможности написал Митчелл. Он объяснил известное историческое событие (осаду испанцами Ламмена в 1574 году и загадку неожиданной победы горожан) помощью, оказанной защитникам города путешественниками из XIX столетия.

В рассказе «Дочь сенатора» (1879) новых для научной фантастики идей столько, что хватило бы на большой роман. Митчелл же о них лишь упоминает как о чём-то само собой разумеющемся. Автор избрал единственно верный стиль — ведь действие рассказа происходит в 1937 году, и то, что представлялось читателям необыкновенным в год написания рассказа, для персонажей «Дочери сенатора» было их обычной жизнью. К примеру, электрическое отопление в квартире:

«Мистер Уолсингхем Браун подтолкнул комфортабельное кресло к сфере из блестя-

щей платины, которая стояла на прозрачном пьедестале в центре комнаты. Он нажал серебристую клавишу в основании, и металлическая сфера начала ослепительно светиться. Замечательное тепло распространилось по квартире.

— Хорошо, — сказал Уолсингхем Браун, раздвигая руки, чтобы поймать тепло от термоэлектроды.

Или ещё — телетайп, по которому герой рассказа, мистер Уонли, получает на дом выпуск всех американских газет:

«Бросив украдкой взгляд на себя в зеркало, он направился в ту часть комнаты, где бесконечная лента печатной бумаги трёх футов шириной бесшумно протягивалась между роликами и аккуратными складками падала в ивовую корзину, подставленную на полу. Господин Уонли склонился к широкой бумажной полосе и стал внимательно читать».

В рассказе также упоминаются пищевые концентраты:

«Уонли достал из кармана жилета маленькую золотую коробочку овальной формы. Он нажал на пружину, и крышка открылась... В ней лежало множество мелких серых пастилок размером вряд ли больше горошин. Браун взял большим и указательным пальцами одну пастилку и положил в рот.

— Так я утоляю свой голод, — сказал он».

И далее:

«Теперь человечество перейдёт к естественному использованию элементов, а старый бесчеловечный метод закончится, зло чревоугодия и сопутствующих пороков прекратится, жестоко убийство наших соотечественников-животных и братьев-овощей остановится навсегда!»

Современные «зелёные» и радители прав животных наверняка пришли бы в восторг от того, как решал проблему охраны окружающей среды Эдвард Митчелл в 1879 году:

«И действительно... кто может сказать, где заканчивается растительная жизнь и начинается животная? Наука тщетно пытается определить границу. Я считаю, что выкопать картофель означает уничтожить его существование, хотя оно, возможно, сродни нашему. Срывать виноград — это калечить жизнь виноградной лозы, а пить виноградный сок — грубо нарушить кровное родство в широком смысле. При таком взгляде на вещи необходимо воздержаться от питания овощами... Все живые существа рождаются свободными и имеют право на существование и получение удовольствия от жизни. Разве это не прекрасная мысль?»

Но главная научно-фантастическая идея небольшого рассказа — анабиоз: «сознание, телесная деятельность, а также другие жизненно важные функции приостанавливаются

с помощью процесса охлаждения». Термин «анабиоз» предложил немецкий учёный Вильгельм Прейер в 1873 году, и Митчелл, видимо, успел познакомиться с его работами. Но Прейер писал об анабиозе в мире животных и растений, когда жизненные функции организма замедляются сами по себе в случае болезни или ухудшения условий существования. А искусственный анабиоз, да ещё с помощью замораживания — открытие Митчелла, повторенное (точнее — заново открытое) много лет спустя Александром Беляевым в рассказе «Ни жизнь, ни смерть» (1926). С тех пор анабиоз в фантастике использовался очень часто — для того, например, чтобы «отправить» смертельно больных в будущее, где их смогут вылечить. Но никто, насколько я могу судить, не предлагал применять анабиоз так, как это сделал Митчелл: в виде наказания для преступников. Виноват? Получил срок 25 лет? Что ж, это время осуждённый проведёт в анабиозе...

И ещё одно изобретение Митчелла, сделанное за четверть века до композитора Александра Скрябина, — цветомузыка.

«Из центра пола на высоту сорока-пятидесяти футов поднялась струя воды, интенсивно светившаяся в результате недавно открытого гидроэлектрического процесса и освещавшая комнату в десять раз ярче дневного света, но при этом свет был мягким и приятным, как лунный. Воздух пульсировал под музыку, каждому цвету под воздушным куполом соответствовала нота, которую Ратиболиал в Парижской консерватории посылал через Атлантический океан колебаниями дирижёрской палочки».

В рассказе «Самый способный человек на свете» (1879) Митчелл писал о думающем компьютере — симбиозе человека и машины, то есть, по сути, о киборге.

Перенос сознания из одного мозга в другой и обмен сознаниями Митчелл описал в рассказе «Эксперимент профессора Шванка» (1880).

Скончался писатель в 1927 году в возрасте 75 лет. После смерти о нём на долгое время забыли. Лишь в 1973 году Сэм Московиц, составитель множества антологий, «раскопал» старые газетные залежи и выпустил сборник рассказов Митчелла, куда вошли все тридцать его фантастических сочинений.

Впервые русскоязычного читателя с тремя рассказами Митчелла познакомил журнал «Млечный Путь». И это пока всё, что переведено на русский язык из удивительного, впечатляющего и незаслуженно забытого творчества Эдварда Митчелла.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ТЕЛА

Эдвард Пейдж МИТЧЕЛЛ.

На стеллажах Музея естественной истории, расположенного в Центральном парке, в старинном здании Арсенала, среди чучел колибри, разноцветных попугайчиков, горностаев и чернобурок можно увидеть и жуткий ряд человеческих голов. Среди них, рядом с мумифицированными перуанцем, маорийским вождём и плоскоголовым индейцем, нашлось место и голове обычного европейца, которая вызвала у меня захватывающий интерес около года назад, когда её включили в эту мрачную коллекцию. О ней-то я и собираюсь рассказать. Голова поразила меня с первого взгляда. Сразу же покорила её умный вид и грустное выражение лица. Оно, это лицо, выглядит незаурядным, хотя нос отсутствует, и носовая впадина вызывает некоторую оторопь. Глаз тоже очень не хватает, но даже пустые глазницы отличаются своей, только им присущей выразительностью. Пергаментная кожа так сохла, что корни зубов полностью обнажились. Рот очень сильно пострадал от тления, однако его остаткам присуща подлинная индивидуальность. Так и кажется, что они говорят: «Несмотря на пробелы в анатомии, перед вами настоящий человек!» Строение у Головы несомненно тевтонское, а череп — это череп философа. Однако особенно привлекло моё внимание то, что этот полуразрушенный лик напомнил мне чьё-то лицо, когда-то мне хорошо известное. Это лицо вертелось у меня в памяти, но окончательно определить его я не мог.

В конце концов, меня даже не очень удивило, когда через год после нашей первой встречи я заметил, что Голова узнаёт меня и, если я останавливаюсь перед её стеклянным вместилищем, как бы подмигивает, выражая тем самым дружелюбный интерес.

Однажды в День попечителя я оказался в этом зале совершенно один. Неусыпный смотритель отправился попить пивка со своим другом, руководителем отдела обезьян. На этот раз Голова снова мне подмигнула, и даже ещё более сердечно. Я смотрел на её усилия с опаской и восторгом опытного анатома. Жевательные мышцы под омертвевшей кожей заметно шевелились. Я видел, как напрягаются связки на шее и мускулы там начинают двигаться. Мне

стало понятно, что Голова пытается со мной заговорить. Я различил конвульсивные сокращения «мышцы смеха» *risorius* и сдвиг скуловой кости и понял, что она старается улыбнуться. «Это, — подумал я, — должно быть, проявление длительной живучести после отсечения головы или пример рефлексивных действий при отсутствии проводящей системы. В любом случае данный феномен не знает прецедента и требует тщательного наблюдения. Кроме того, Голова явно хорошо ко мне относится». Отыскав в своём комплекте нужный ключ, я открыл стеклянную дверцу.

— Спасибо, — произнесла Голова. — Глоток свежего воздуха для меня настоящее наслаждение.

— Как вы себя чувствуете? — вежливо спросил я. — Каково это — обходиться без тела?

Голова печально покачала собой и вздохнула.

— Я бы отдал... — проговорила она сквозь дырку на месте носа, по понятным причинам экономя воздух. — Я бы отдал оба уха за одну ногу. Больше всего мне не хватает движения, а ходить я не могу. Я бы с радостью путешествовал, бродил, прогуливался, толкался на запруженных народом улицах, а между тем я прикован к этому проклятому стеллажу. Причём вместе с этими варварскими головами. И это я — человек науки! Я вынужден сидеть здесь на собственной шее в окружении куликов и аистов с ногами, которые им совершенно не нужны. Поглядите хотя бы на тех дьявольски длинноногих бекасов. Поглядите на ту ничтожную ржанку. У них нет ни мозгов, ни амбиций, им неведомы тоска и мечтагия. Но зато у них в изобилии есть ноги, ноги, ноги... — он окинул завистливым взглядом Тантала собрание разнообразных пернатых и мрачно добавил:

— Меня не хватит даже на то, чтобы стать героем одного из романов Уилки Коллинза.

Я не знал, чем его утешить в таком деликатном положении, и только рискнул намекнуть, что зато он застрахован от мозолей и радикулита.

— А руки! — между тем продолжал он. — Без них — как без рук! Я даже не могу отмахнуться от мух, которые, бог знает как,

сумели забраться сюда летом. Я не могу щёлкнуть по носу ту индейскую мумию, которая скалится вон там, как чёртик из табакерки. Я не способен почесать голову и даже благопристойно прочистить себе нос, когда меня из-за этих постоянных сквозняков мучает насморк. Насчёт еды и питья мне нечего беспокоиться. Моя душа занята наукой. Наука — вот моя любовь, вот моё божество. Я преклоняюсь перед её достижениями в прошлом и пророчу её прогресс в будущем. Я...

Ну конечно же я слышал подобные речи и раньше. В моей памяти тут же всплыл знакомый облик, который ускользал от меня так долго.

— Простите, — проговорил я, — вы случайно не прославленный профессор Думкопф?

— Он самый! Точнее — был им, — с достоинством ответил он.

— И раньше вы жили в Бостоне, где проводили научные эксперименты паразитальной оригинальности. Это именно вы первым сумели сфотографировать запах, закупорить в бутылку музыку и заморозить полярное сияние. Это вы первым начали делать спектральный анализ Разума.

— Да, это мои сравнительно небольшие достижения, — произнесла Голова, печально кивнув собой. — Небольшие в сравнении с моим заключительным изобретением. С тем грандиозным открытием, которое одновременно стало для меня и величайшим триумфом, и величайшим поражением. В этом эксперименте я потерял своё тело.

— Как это случилось? — спросил я. — Я ничего не слышал.

— Увы, — произнесла Голова. — Я был совершенно один, без друзей, и моё исчезновение прошло незамеченным. Я расскажу вам об этом.

На лестнице послышался какой-то шум.

— Осторожно! — воскликнула Голова. — Кто-то идёт. Никто не должен ничего узнать. Скорее закройте меня!

Я торопливо запер стеклянный ящик, едва успев управиться до прихода бдительного смотрителя, и сделал вид, что с огромным интересом осматриваю расположенные рядом экспонаты.

В следующий День попечителя я снова зашёл в музей и дал хранителю Головы доллар, объяснив, что хотел бы удовлетворить свою любознательность, получив информацию из его уст. Он обошёл со мною весь зал, бесперывно обо всём рассказывая.

— А вот это, сэр, — произнёс он, когда мы подошли к Голове, — свидетельство былых нравов, подаренное музею пятнадцать ме-

сяцев назад. Голова знаменитого убийцы, которого гильотинировали в Париже в прошлом веке.

Мне показалось, что у профессора Думкопфа чуть дрогнуло левое веко и дёрнулся уголок рта, но в целом он держался великолепно. Я искренне поблагодарил своего гида за полученные сведения, и он тотчас же удалился, горя желанием потратить так легко заработанный доллар на свой любимый пенный напиток. Мы же с профессором продолжили наш разговор.

— Подумать только! — возмущённо произнесла Голова, после того как я открыл дверцу его стеклянной тюрьмы. — Какого-то дубоголового идиота назначили хранителем части, пусть и небольшой, человека науки, изобретателя Телепомпы!.. Париж! Убийца! Прошлое столетие! Какая чепуха! — и профессор так расхохотался, что я испугался, как бы он не свалился с полки.

— Вы заговорили о своём открытии, о Телепомпе, — подсказал я.

— Да, конечно, — сказала Голова, одновременно обрета серьёзность и равновесие. — Я обещал рассказать, как стал человеком без тела. Видите ли, года три или четыре назад я открыл принцип передачи звука с помощью электричества. Мой телефон, как я его назвал, мог бы найти самое широкое применение на практике, если бы мне удалось представить его публично. Увы...

— Извините, что прерываю, — сказал я, — но должен сообщить вам, что кто-то другой недавно создал такую вещь. Телефон — это реальный факт.

— А сумели они пойти дальше? — заинтересованно спросил профессор. — Удалось ли им открыть великую тайну передачи атомов? Другими словами, удалось ли им создать Телепомпу?

— Я ни о чём подобном не слышал, — поспешил я его заверить. — А что вы имеете в виду?

— Послушайте, — произнёс он. — В ходе экспериментов с телефоном я убедился, что тот же принцип годится для передачи самых разных вещей. Материя состоит из молекул, а молекулы, в свою очередь, из атомов. Атом, как вам известно, это единица всего сущего. Молекулы различаются между собой в зависимости от количества и расположения атомов, их составляющих. С помощью химической реакции мы можем разъединить атомы и перегруппировать их, создав молекулу другого вида. Такое расщепление молекулы можно произвести не только с помощью химических реактивов, но и путём воздействия на молекулы достаточно сильным электрическим током. Вы успеете следить за моей мыслью?

— Вполне.

— Тогда я продолжаю. Когда я размышлял над этим феноменом, меня осенила великая идея. Нет причин, почему материю нельзя телеграфировать, или, если выразаться этимологически точно, перекачивать по телеграфу. То есть фактически телепомпировать. Для этого необходимо всего лишь на одном конце линии расщепить молекулы на атомы и с помощью электричества передать колебания, возникшие при разложении, к другому полюсу, где производится соответствующее воссоздание переданной материи из совершенно других атомов. Поскольку атомы одних и тех же элементов одинаковы, их можно соединить в молекулы в том же порядке, а затем восстановить такие же молекулы, как и у оригинальной материи. Таким путём мы практически получим репродукцию оригинала. По сути, это будет материализация... Но не в спиритическом смысле, а по законам строгой науки. Вы по-прежнему следите за моей мыслью?

— Всё это немного туманно, — признался я, — но полагаю, что основная идея мне ясна. Вы телеграфируете Идею материи... Слово «Идея» я употребляю в платоновском смысле.

— Абсолютно верно. Пламя свечи всегда то же самое пламя свечи, хотя само горючее всё время меняется. Волна на поверхности воды остаётся той же волной, хотя составляющая её вода при перемещении становится другой. Человек остаётся тем же человеком, хотя в его теле не осталось ни одного атома из тех, которые составляли его пять лет назад. Важна только форма, порядок, Идея, в конце концов. Колебания, придающие материи индивидуальность,

*Кадр из фильма «Человек без тела». 1957 г.
Режиссёры Ч. Саундерс и Л. Уайлдер.*

могут быть переданы по проводам так же успешно, как и те колебания, которые передают неповторимость звука. Вот я и сконструировал прибор, который позволяет, так сказать, разбирать материю на аноде, а затем собирать её в прежнем порядке на катоде. Это и есть моя Телепомпа.

— А практически... как эта Телепомпа работает?

— Великолепно! В Бостоне, в помещении на Джой-стрит, у меня было около пяти миль проводов. И я безо всяких затруднений пересылал разные вещества вроде кварца, крахмала или воды из одной комнаты в другую с помощью этой пятимильной спирали. Никогда не забуду, как радовался, когда мне удалось разложить трёхцентовую почтовую марку и тут же получить её репродукцию в приёмном устройстве. Такой успех с неорганической материей вдохновил меня попытаться перекачать живой организм. Я схватил своего кота, чёрного с жёлтыми полосками, и подверг его воздействию сильнейшего тока с помощью батареи из двухсот элементов. Не успел я и глазом моргнуть, как кот исчез. Я поспешил в другую комнату и, к своему величайшему удивлению, обнаружил там живого и мяукающего, хотя и слегка ошарашенного Томаса. Мой прибор работал не хуже волшебной палочки!

— Это действительно большой успех.

— Ведь правда же? После успешного эксперимента с котом мной овладела грандиозная идея. Если я сумел переслать одно существо — кошку, почему нельзя переслать другое существо — человека?

Если я сумел с помощью электричества мгновенно перекачать kota по проводам на пять миль, то почему бы с такой же скоростью не перекачать человека по трансатлантическому кабелю в Лондон? Я принял решение увеличить мощность своих и без того мощных батарей и провести такой эксперимент. И, как ярый сторонник науки, — на себе...

— Мне не доставляет удовольствия рассказывать об этой части эксперимента, — продолжала Голова, а я вынул из кармана носовой платок и аккуратно вытер слёзы, которые катились у неё по щекам. — Скажу только, что я утроил количество элементов в батарее, протянул провод по крышам до своей квартиры на Филлипс-стрит, всё тщательно подготовил и твёрдо веря в свою теорию, бестрепетно устроился в передающем устройстве Телепомпы в офисе на Джой-стрит. Я был совершенно уверен, что, подключившись к батарее, тут же окажусь в квартире на Филлипс-стрит живой и невредимый. Потом я нажал на рубильник... Увы!

Какое-то время мой приятель не мог говорить. Наконец, сделав над собой усилие, он продолжил свой рассказ.

— Я начал распадаться, начиная с ног, и медленно исчезал у себя на глазах. Сначала растаяли ноги, потом туловище и руки. Что случилось неладное, я понял лишь тогда, когда увидел, что процесс расщепления замедляется. Но ничего сделать уже не мог. Потом у меня исчезла и голова, и я потерял сознание. Согласно моей теории, голова, исчезнув последней, должна была материализоваться на другом конце провода первой. Теория оказалась верной. Я вновь очнулся и открыл глаза в квартире на Филлипс-стрит. Вот материализовался подбородок, потом я с большим удовольствием увидел, как медленно обретает очертания моя шея. Внезапно, примерно на третьем шейном позвонке, процесс остановился. Причину я понял мгновенно. Я забыл добавить свежей серной кислоты в элементы батареи, так что на материализацию всего остального энергии не хватало. Так я стал Головой, чьё тело пребывает бог весть где.

Я даже не пытался утешить профессора Думкопфа. Перед лицом такого горя любые слова выглядели бы насмешкой.

— Дальше рассказывать нечего, — с глубокой тоской продолжал он. — В доме на Филлипс-стрит живёт много студентов-медиков. Предполагаю, что кто-то из них нашёл мою голову и, ничего не зная о Телепомпе, использовал для изучения анатомии. Думаю, они попытались законсервировать её с помощью препаратов

мышьяка. Результаты их учёбы заметны сразу: у меня теперь нет носа. Наверно, я переходил от одного студента к другому, из одного анатомического театра в следующий, пока какой-то начинающий юморист не подарил меня музею под видом французского убийцы прошлого столетия. Несколько месяцев я провёл в беспомысленности, а когда ко мне вернулось сознание, я был уже здесь... Такая вот ирония судьбы! — помолчав, добавила Голова с сухим, горьким смешком.

После некоторого раздумья я спросил:

— Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Спасибо, — ответила Голова. — Я достаточно бодр и смирился с судьбой. Условия здесь сносные. Я практически полностью потерял интерес к экспериментальной науке. Не думаю, что вы чем-то можете мне помочь... Хотя... — добавил профессор, бросив взгляд на вызывающе длинные ноги стоящего неподалёку журавля. — Чего мне больше всего хочется, так это свежего воздуха. Вы не могли бы как-нибудь вынести меня на прогулку?

Признаться, такая просьба меня озадачила, но я обещал сделать всё, что в моих силах. После долгих раздумий я разработал интересный план.

Вернувшись в музей ближе к вечеру, перед самым закрытием, я спрятался за чучелом морской коровы *Manatus Amtricanus*. Смотритель прошёлся по залу, бегло осмотрев экспонаты, запер дверь и ушёл домой. Тогда я решительно вышел из укрытия и достал своего приятеля из ящика. С помощью прочной верёвки я привязал его шейные позвонки к шейным позвонкам безголового скелета моа. У этой гигантской вымершей птицы из Новой Зеландии длинные ноги, широкая грудная клетка, ростом она с человека, а ступни у неё огромные и неуклюжие. Обретя таким образом конечности, мой приятель страшно обрадовался. Он прошёлся туда-сюда, помахал крыльями и чуть не пустился в бурный пляс. Мне пришлось напомнить ему, что следует вести себя с достоинством, присущим птице, чей скелет он позаимствовал.

Я лишил африканского льва его стеклянных глаз и вставил их в пустые глазницы Головы. Вместо тросточки я снабдил профессора Думкопфа боевым копьём с острова Фиджи и закутал в одеяло индейцев сиу. После этого мы наконец-то вышли из старинного Арсенала наружу, навстречу свежему ночному воздуху и лунному свету, и двинулись рука об руку сначала по берегу тихого озера, а затем по аллеям и тропкам в густых зарослях Центрального парка.

СПЕКТРОСКОП ДУШИ

Эдвард Пейдж МИТЧЕЛЛ.

Своеобразный материализм прогрессивного мыслителя

ВЗГЛЯДЫ ПРОФЕССОРА ТИНДАЛЯ ПОЛУЧИЛИ БОЛЕЕ ЧЕМ ДОСТАТОЧНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ В ХОДЕ ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРОВЕДЁННОГО В БОСТОНЕ, ШТАТ МАССАЧУСЕТС, ВСЕМИРНО ИЗВЕСТНЫМ ПРОФЕССОРОМ ДУМКОПФОМ.

БОСТОН, 13 декабря. Профессор Думкопф, истинный джентльмен из Германии, известный своей эрудицией, ныне обосновался в этом городе и занимается экспериментами, которые, в случае успеха, совершат коренной переворот как в метафизической науке, так и в повседневной жизни. Профессор твёрдо убеждён, что современная наука практически свела на нет грань, отделяющую материальное от нематериального. Правда, он признаёт, что потребуются ещё какое-то время, прежде чем любой человек сможет ткнуть пальцем и уверенно заявить: «Здесь начинается дух. А здесь кончается материя». Вероятно, будет установлено, что граница между духом и материей является такой же воображаемой, как экватор, который делит земной шар на Северное и Южное полушария. Вероятно, будет установлено, что дух фактически так же объективен, как и материя, а материя так же субъективна, как и дух. Вероятно, не существует материи без духа. Вероятно, не существует духа без материи. Взгляды профессора Думкопфа на эту широкую проблематику очень интересны, хотя и достаточно сложны. Читателям, которые пожелали бы глубоко разобраться в этой теме, от всей души рекомендую объёмистый труд в девяти томах под названием «Koenreg-liehe-gelwissenschaft». Его, несомненно, можно приобрести в оригинальном лейпцигском издании у любого авторитетного импортёра иностранных книг.

Несмотря на всю грандиозность вышеуказанных проблем, они, по мнению профессора Думкопфа, обязательно будут решены, причём в самое ближайшее время. Он сам уже внёс гигантский вклад в их решение, проведя блестящую серию экспериментов, которую я собираюсь описать. Профессор Думкопф не только согласен с мнением Тиндаля, что в мате-

рии заключены перспективы и потенциальные возможности всей жизни, но и полагает, что любое усилие, физическое, интеллектуальное и моральное, может быть претворено в материю, сформулировано в материальных терминах и подвергнуто анализу в своих существенных материальных разновидностях. Он также уверен, что движение — это материя, дух — это материя, закон — это материя и что даже абстрактные отношения математических абстракций являются чисто материальными.

ФОТОГРАФИЯ ЗАПАХА

Вчера по приглашению, полученному на последнем заседании «Радикального клуба», который, к слову говоря, выполняет почётную миссию распространения знаний о Незнаемом, я посетил на досуге резиденцию профессора Думкопфа на Джой-стрит в Вест-Энде. Профессора я нашёл в кабинете на верхнем этаже, где он упорно пытался сфотографировать запах.

— Видите ли, — пояснил он, нагревая колбу, источающую густой смрад сероводорода, который уже заполнил всю комнату, — чтобы продемонстрировать объективность наших ощущений, я должен выполнить простую, но почётную обязанность: убедительно показать, что наши ощущения тоже материальны. Вследствие этого я и пытаюсь сфотографировать запах. Тут же профессор ринулся к фотокамере, установленной над сосудом, испускавшим удушающие пары, и занялся пластиной. Поднеся негатив к свету, он внимательно его обследовал, и у него по лицу скользнула тень разочарования.

— Пока ничего, пока ничего! — печально пробормотал он. — Но терпение и труд всё перетрут. Надо усовершенствовать приборы — и в конце концов всё получится. Понимаете, загвоздка не в моей теории, а в аппаратуре. Но при одной только мысли, что когда-нибудь я увижу на негативе отчётливое изображение аромата тушёной баранины с луком, я моментально взбадриваюсь. И такой момент обязательно наступит. Уверю вас, драгоценнейший друг, эти фотохимические устройства никуда не годятся. Вы не

смогли бы ссудить мне доллар с четвертью для покупки коллодия?

ТЕОРИЯ БУТИЛИРОВАНИЯ ЗВУКА

Я выразил радостную готовность финансировать гения.

— Благодарствую, — произнёс профессор, спрятав мой взнос в карман и возвратившись к камере. — После того как я получу чёткое изображение запаха, самого вещественного из наших ощущений, встанет новая задача: поймать звук. Грубо говоря, загнать его в бутылку. Да вы сами подумайте. Сила так же бессмертна, как и материя. На самом деле, если я понятно излагаю, это и есть материя. Между тем зародившаяся волна звука затем только слабеет и пропадает при распространении во все стороны на неопределённое расстояние. Поймите звуковую волну, сэр! Закупорьте её в бутылку, тогда она не будет распространяться. Если плотно заткнуть бутылку хорошей пробкой, волна может храниться там вечно. Единственная трудность — поймать волну в точке её зарождения. Я займусь деталями этой операции, как только сделаю фотографию этого проклятого запаха тухлых яиц... То есть сероводорода.

Профессор помешал едкую смесь стеклянной палочкой и продолжил:

— Хотя для меня бутилирование звука представляет чисто научный интерес, должен признать, успешное решение этой задачи открывает серьёзные финансовые перспективы. В скором времени я готов заняться укупоркой опер в одноунцевые флакончики. Затем я рассортирую их, снабжу этикетками и предложу покупателям серию популярных арий по сходной цене. Сейчас, как вы сами знаете, чтобы вдвоём с супругой послушать «Марту» или «Миньон» в первоклассном исполнении, вам придётся отдать десятидолларовую купюру. Бутилирование позволит прослушать ту же музыку у себя дома за сущую мелочь. Я планирую выбросить оперы на рынок по цене от восьмидесяти центов до одного доллара за флакончик. Для ораторий и симфоний можно использовать большие оплетённые бутылки, но стоит они, разумеется, будут дороже. Не думаю, что правильно держать, скажем, Вагнера в простой стеклянной таре. Для этого лучше использовать специально изготовленные изящные графины. Поверьте, сэр, если бы я был таким же сангвиником, как вы, американцы, я бы сказал, что это дело сулит миллионные прибыли. Но я всего лишь флегматик-тевтон, привыкший излагать свои мысли простым и точным языком

науки, поэтому скажу проще: в случае успеха я предвижу значительный доход и всемирную славу.

НАУЧНЫЙ ФЕНОМЕН

Новую попытку профессор совершил с прежним энтузиазмом, но снова безуспешно. Он вздохнул и продолжил:

— Освоив фотографирование запаха и бутилирование звука, я перейду к проектам значительно более сложным, поскольку отражения сложнее ощущений, а мозг гораздо сложнее, чем нос или ухо. Я вполне удовлетворён тем, что составные части разума так же доступны для изучения и анализа, как и составные части материи. Да это и понятно: разум — это материя. Спектроскоп души, который больше известен как дуплексный самопишущий спектроскоп души Думкопфа, базируется на общепризнанном факте, что всё материальное может изучаться и анализироваться с помощью спектральных линий Фраунхофера. Таким образом, если душа материальна, она тоже может быть изучена и проанализирована. При просвечивании субъекта испарения или излучения его души — а данные испарения или излучения, безусловно, материальны — могут быть представлены соответствующим символами на табло должным образом настроенного спектроскопа. Таково, если вкратце, мое открытие. Как устроен спектроскоп и каким образом я собираюсь просвечивать субъекта, разумеется, является моим секретом. Я подал заявку на патент. Разрабатывать прибор и испытывать его на практике я собираюсь в Сентенниале. До тех пор я воздержусь от более детального описания своего изобретения.

ЗНАЧЕНИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

— Каково практическое значение вашего великого открытия?

— Огромное! Я открою вам, как моё изобретение может применяться на практике. Влияние спектроскопа души на повседневные дела будет поразительным, просто поразительным. С его помощью могут быть разоблачены любые виды лжи, обмана, криводушия, лицемерия. Таким образом, начнётся тысячелетие правды и искренности.

Несколько конкретных примеров. Злоупотребления на железных дорогах будут исключены. Используя научные знания и один из моих спектроскопов, суперинтендант неподкупным оком науки проверит каждого кандидата на должность кондуктора и определит по шкале его спектра, есть ли в его душе нечестность. И сделает это

так же просто, как химик определяет, имеется ли железо в метеорите или водород — в кольце Сатурна.

Исчезнет необходимость в судах, прокурорах, присяжных. Правосудие будет представлено Фемидой с парой широко открытых глаз и моим дуплексным самопишущим спектроскопом души в правой руке. Сокровенный мир обвиняемого станет открытой книгой, он будет оправдан, заключён на тридцать суток или повешен в соответствии с тем, какими окажутся линии Фраунхофера его души.

От коррупции и политического обмана не останется и следа. Существенным элементом любой политической кампании станет мой спектроскоп, и это будет способствовать самым радикальным и в то же время самым полезным для граждан реформам.

Руководящие органы самого высокого уровня будут очищены от соглядатаев и осведомителей.

Ни один человек не подпишет на ежедневную газету, пока с помощью моего спектроскопа не проведёт тщательное инспектирование души её редактора и не убедится, что он оплачивает правду, честность и бескомпромиссную независимость, а не выбрасывает деньги, потакая фальши, навязанным идеям и оплаченным суждениям.

Исчезнут несчастные браки. Перед тем как принять или отвергнуть предложение руки и сердца, девушка приведёт многообещающего жениха ко мне, и я после просвещения безапелляционно скажу, что у него на душе: чистая любовь, преданность и нежность или же мерзкая алчность, сомнительные желания и послебрачная жестокость. Я

стану ангелом со сверкающим мечом (или, скорее, спектроскопом), стоящим на страже у райских ворот чистоты и девственности. Не станет бесчестности. Если у человека появятся неприличные желания, никакие попытки с его стороны не помогут восстановить отсутствующие линии спектра. Чего нет — того нет. Это проверено в ходе долгой серии экспериментов над пациентами с психическими отклонениями в приюте для умалишённых в Тонтоне.

— Значит, вы побывали в Тонтоне?

— Да. В течение двух лет я изучал обитателей этого учреждения. Как вы понимаете, не совсем в качестве пациента, а, скорее, как исследователь феномена нездорового развития разума. Однако вижу, вы уже устали, да и мне надо завершить опыт с фотографированием до того, как это вещество перестанет дымить. Заходите ещё.

Распрощавшись с профессором и пожелав ему огромного успеха в его весьма интересных экспериментах, я отправился домой, где в тридцать девятый раз перечитал заявление профессора Тиндаля в Белфасте.

*Перевод с английского
Мих. Максакова.*

Примечание:

Джон Тиндаль (1820—1893) — английский физик, член Лондонского королевского общества.

Основные труды — по магнетизму, акустике, поглощению теплового излучения газами и парами, рассеянию света в мутных средах. Открыл «эффект Тиндаля», то есть рассеяние света при прохождении светового пучка через оптически неоднородную среду.